

Alexandr Savchenko <https://orcid.org/0000-0002-4337-9925>
Taipei State University Chengchi (Taiwan)
e-mail: savchenko75@mail.ru

Mikhail Khmelevsky <https://orcid.org/0000-0002-1980-5453>
St. Petersburg State University (Rosja)
e-mail: chmelevskij@mail.ru

К вопросу о межъязыковой омонимии в славянских языках: общий теоретический и практический обзор проблематики

Аннотация

Статья обращена к весьма актуальной теме межъязыковой омонимии. Данный вопрос рассматривается на всех уровнях языка: лексика, морфология, синтаксис, стилистика, фразеология. Дается теоретическое обоснование причин возникновения межъязыковых омонимов, особо рассматриваются полные и неполные пары омонимов. Эта проблематика приобретает чрезвычайное значение в случае близкородственных языков, в первую очередь, она важна для славянской общности, сравнительно поздно распавшейся, если сопоставлять с другими индоевропейскими языковыми группами (V–VI вв. н.э.). Данному вопросу в славистике уделяется большое внимание, однако актуальность заявленного исследования состоит в том, что его результатом стал широкий обзор с максимально возможным охватом всех трех групп славянских языков, географически начиная с русского и украинского на востоке, польского, чешского и словацкого на западе, сербского, хорватского, болгарского на юге Славянского мира и заканчивая периферийным словенским.

Ключевые слова: славянские языки, межъязыковая омонимия, лексика, семантика, фразеология, стилистика

Одним из интересных лингвистических феноменов, наблюдаемых в языке, можно считать случаи омонимии, в т.ч. и межъязыковой. Богатый материал в аспекте именно межъязыковой омонимии, как правило, дают близкородственные языки. В частности, славянские языки в указанном аспекте обнаруживают многочисленные «омонимические цепочки», образуют не только омонимичные пары в двух отдельных славянских языках, но и целые параллели сразу в нескольких языках. Так, классическим примером уже стала лексема родина. В то же время, рассмотрению случаев межславянской омонимии (в различных ее проявлениях и на различных уровнях языка) с привлечением одновременно всех славянских языков посвящено на удивление не так много научных филологических исследований (в основном они проводятся на материале двух языков). Подобное общеславянское исследование требует от лингвиста-слависта практических знаний и владения как минимум всеми или почти всеми основными славянскими языками, что довольно сужает круг ученых, способных провести подобный обзор (Мокиенко и др., 1995: 12).

Вероятно, это также обусловлено целым рядом причин, и в первую очередь, – некоторой «размытостью» самого термина омонимия, отсутствием четкого понимания и терминологической «паспортизации» как самого понятия омоним, так и межъязыковая омонимия. Как отмечает один из ведущих исследователей русско-польской омонимии К.Ч. Кусаль, «для контактирующих родственных славянских языков проблема лингвистического исследования и лексикографического описания межъязыковой омонимии – одна из сложных задач, ибо уже само определение объема омонимии (как внутриязыковой, так и межъязыковой) и разграничение омонимов является необычайно трудным» (Кусаль, 2005: 6).

Случаи проявления омонимии в славянских языках можно рассматривать с различных лингвистических позиций и с учетом различных критериев. В частности, с точки зрения ее проявления на различных языковых уровнях: на фонетическом (это особенно хорошо видно на примерах конкретных славянских языков, скажем, рус. плод – плот, код – кот); подобные случаи требуют отдельного более тщательного рассмотрения и остаются на периферии предлагаемого исследования. В этом отношении особо показательным можно считать языки сербско-хорватского языкового континуума: целая группа слов, являясь омографами, различается по значению в зависимости от характера ударения, например, в таких парах как *gra`d – gra`d*, *pra`vo – právo*, *skup – skup*, *du`g – du`g*, *pa`s – pa`s*, *ku`puti – kúputi*. В чешском языке сходное явление встречается в словах, различающихся общим долгим или кратким гласным: *draha – drahá*, *pas – pás* и т.п. (Хмелевский, 2023: 78)

Обратимся к некоторым наиболее показательным примерам межславянской лексической омонимии. Отметим, что случаи омонимии в славянских языках могут быть случайным совпадением словоформ (фонетическим, «формальным» и т.п.), однако нередко ее возникновение обусловлено сдвигами в изначальном семантическом значении родственных славянских слов. Это, в частности, наглядно демонстрирует лексика, связанная с родовыми отношениями человека. Наиболее показательными можно считать ставшие уже классическими примеры типа рус. родина и укр. родина,

а также западнославянские чешск., словацк. *rodina*, пол. *rodzina*¹. Примечательна и «обратная» по значению русского родина омонимия – в чешском это *vlast*, по-словацки звучит еще ближе к русскому – с мягким т на конце – *vlast'*; данная лексема составляет омонимичную пару с рус. власть (тогда как по-чешски и по-словацки это *tos*, фактически, омонимичное рус. мощь (высокий стиль), а также общеупотребительным, стилистически нейтральным сербск. и хорв. *moć*, словенск. *moč* – «сила»). Возвращаясь к русской лексеме семья, приведем и хорв. *obitelj*, вызывающую «омонимичную ассоциацию» с русск. обитель. Семантически омонимичным в современных славянских языках оказывается корень *-друж-* (праслав. **drŭgъ*, ст.-сл. друогъ) в таких лексемах, как дружина (в современных рус., серб., хорв., чеш. *družina*, пол. *družyna*, болг. и макед. дружина слово имеет одинаковое значение «команда; (небольшая) компания, (небольшое) общество»), однако в украинском его семантика расширяется и трансформируется за счет семы «супруга» (ср. также укр. одружитися – «пожениться»), а в словенском *družina* – употребляется в значении «семья». Однокоренные рус., чеш., пол., серб., хорв. *družba* в современных славянских языках также не тождественны словенской лексеме *družba*, где это слово имеет значение «коммерческая компания, фирма». Сравнивая употребления этого лексико-семантического поля и его семантики в разных языках, мы прослеживаем общеславянский образ некоторого сообщества людей, конкретизация и расхождение которого проходило у разных славян разными путями (Федорчук, 2001: 23).

Этимологически омонимичные славянские лексемы связаны общим значением, однако с течением времени их семантика разошлась, в результате чего приобрели отличные друг от друга значения, породив тем самым пары межъязыковых омонимов. Будучи исконно семантически родственными, в разных современных славянских языках они оказываются омонимами с разным разошедшимися значениями, вплоть до антонимичных. Здесь приведем такие лексемы, как, например: чеш. *úžasný* («прекрасный») – рус. ужасный, чеш. *pozor* (а также серб., хорв, словен., укр. позір («внимание»)), пол. *pozór* (видимость) – рус. позор, а также серб. лубити («целовать») – рус. любить (при этом в сербском устаревшее значение, аналогичное русскому, сохраняется в фольклоре, песенном творчестве), серб. зрак – «зрение» и хорв. *zrak* – «воздух», пол. *łączyć się* и чешск. *loučit se* («разлучаться, прощаться»), словацк. *lúčiť sa* («объединяться»), рус. запомнить – пол. *zapomnieć*, чешск. *zapomnět* («забыть»). Сюда же отнесем и часто приводимые омонимы: рус. урод («человек с некрасивой, безобразной, отталкивающей внешностью») и укр. врода, пол. *uroda* (красота) – общий образ «то, что уродилось», а конкретизация оттенка образа уже по-разному проходила в каждом языке в отдельности, причем исконный образ сохранили чешский и польский языки, где *úroda* имеет одно стилистически нейтральное значение «урожай». Либо производные лексемы от общеславянского слова трава получили в разных языках свою коннотацию: рус. отрав, серб. отров, хорв. *otrov* («яд») и чешск., словацк. *potraviny* («продукты питания»), ср. рус. травить – укр. травити («переваривать пищу»). Список

¹ Здесь и далее лексические примеры приводятся из словарей, указанных в списке использованной литературы.

может быть продолжен аналогичными примерами, как, например: русск. зной – серб. зной («пот»), русск. брать, укр. брати, чешск. *brát*, пол. *brać*, серб. брати – словенск. *brati* («читать»), рус. ласкать – серб. ласкати («льстить»), укр. кохатися («любить друг друга») – чешск. *kochat se* («наслаждаться чем-л.»), рус. оголиться – укр. оголитися («побриться»), русск. миловаться (устар. «любить, ласково и с любовью относиться друг к другу») – укр. милуватися («любоваться»), русск. просить – серб. просити (только в значении «просить милостыню») или запросити («сделать предложение девушке»), рус. грубый – словацк. *hrubý* («толстый»), рус. ходить, укр. ходити, пол. *chodzić* – серб. ходати («передвигаться с трудом, с помощью чегол.»), укр. країна («страна») – чеш., словацк. *krajina* («пейзаж»), рус. Дунай (река) – словенск. *Dunaj* («город Вена на реке Дунай»), рус. человек – укр. чоловік («мужчина, муж»), рус. враг – хорв. *vrag* («черт, дьявол»), рус. направо – серб. право («прямо»), русск. рожа – словенск. *roža* («роза»), рус. быстрый – серб. бистар («прозрачный», о воде), рус. врач – серб. врач («знахарь») и многие другие.

По такой же модели пережило свою трансформацию и значение рус. лексемы изба от праслав. **jъstьba*, ср. с другими славянскими языками, где эта лексема в русском языке означает «деревянный дом в деревне», а в словацком *izba* – «комната, номер в гостинице», в словенском, сербском и хорватском – «комната, погреб», в польском – «комната, палата», в болгарском – «землянка, хижина».

Приведем еще ряд примеров, где возникновение омонимии объяснимо общим образом наименования предметов или явлений, конкретизация которых проходила после распада общеславянского единства, т.е. в каждом славянском языке по-особому, что со временем и определило расхождение их лексических фондов. Так, например, от общеславянского глагола печь (от праслав. **ректь*) в чешском и сербском языках образована лексема *pečenje* («жареное мясо, шашлык»), при этом «аналогичное» русское – печенье – связана не с мясом, а с видом выпечки. Здесь мы видим, как толчком для формирования разной семантики служит общий древнеславянский образ, мотивированный глаголом печь, однако при этом в разных славянских языках конкретизация значения однокоренного слова проходит различными путями. В этом смысле показателен также случай сдвига семантического значения общеславянских лексем в рамках семантического поля глаголов, связанных с процессом говорения, что можно наблюдать, например, в таких случаях, как: рус. слово – сербское и хорватское значение «буква», серб. реч («слово») – рус. речь, серб. говор – рус. «речь», тогда как рус. говор – «диалект, местное наречие», чеш. řeč, словацк. *reč*, пол. *rzecz* («речь, язык»). Отсюда возникают омонимичные значения и у производных слов: чешск. řečník, словацк. *rečník*, пол. *rzecznik* («оратор, пресс-секретарь, спикер») – и серб. речник, хорв. *riječnik* («словарь»), или словенск. *besedilo* («текст»), мотивированное лексемой *beseda* («слово»), ср. рус. беседа («разговор»).

Отметим также и другие семантические группы, как, например, серб. домовина («родная страна») омонимично современному укр. домовина в значении «гроб», тогда как по-чешски и по-словацки *hrob*, сербск., хорв. *grob* – в свою очередь означают могила. Толчком для такого сильного семантического расхождения послужил общий славянский метафорический образ «место постоянного пребывания человека».

Этимологически связанными, но в ходе исторического развития семантики разошедшимися по значению оказались чеш., словац. *vonět / voňat'*, хорв. *vonjeti* («благоухать») – это фактически абсолютный антоним для русского глагола («зловонно пахнуть, источать неприятный запах»), с другой стороны, чешск. *zápach* («вонь»), ср. рус. запах и хорв., словенск. *vonj* («приятный запах», «аромат»), а также сравним со словенским *dihati* («дышать, приятно пахнуть»), где образ и значение «воспринимать и источать воздух» конкретизировались, вследствие чего возник данный омоним, ср. русск. дышать, пол. *oddychać*, чешск. *dýchat*, словацк. *dýchat'*, серб. дихати.

Возникновению омонимии в близкородственных славянских языках может способствовать общность образа, при этом она возникает на базе метонимического либо метафорического переносов семантического значения. В качестве примера можно привести общеславянское стена, где лексемы в укр., чешск. и словацк. тождественны русской, тогда как в сербск. и хорв. они имеют значение «каменная скала с крутыми и острыми выступами».

Общность «образа», заложенного в семантике, в русском и словацком дает сходные, но все же различные значение в номинации вида транспорта: словацк. *električka* («трамвай») – рус. электричка.

Семантическое переразложение исходного значения лексемы *trup* в чешском языке стало основой возникновения омонимии: исконное значение «тело мертвого человека или животного, мертвец», сохраняющееся, в частности, в русском, в современном чешском изменилось на «туловище человека, животного; корпус; фюзеляж». Фактически то же самое произошло и с чешской / словацкой лексемой *záchod*: исконное устаревшее значение связано с заходом солнца, которое сохраняется, например, в русском заход (солнца), тогда как в большинстве других славянских языков это слово также метафоризировалось и стало обозначать часть света, где заходит солнце: укр. захід, пол. *zachód*, хорв. *zahod* – «запад». Любопытно отметить, что в силу мотивировки славянского глагола движения *zachodit* – «заходить по пути куда-л. на короткое время» и его буквального восприятия в чешск., словацк. и хорв. однокоренное существительное развило метафорическое значение «туалет». Разошелся русский язык с другими славянскими языками и в значении слова олово, которое в укр., бел., западно и южнославянских языках сохранило древнее значение «свинец».

Омонимии способствует устаревание исходного значения. Так, современное чешское *vojna*, приобретшее более узкое значение – «военная / воинская служба», отличается по значению от соответствующих русского, украинского и белорусского война, а однокоренная лексема *vojín* («рядовой») также соотносится с рус. воин в одном из двух значений, которое отсутствует в русском (как воинское звание).

Возможно, о ложной «семантической близости» при возникновении омонимии можно говорить также, например, и в случае русско-сербской пары гусар («военнослужащий легкой кавалерии») – серб. гусар («пират»): русское слово, хотя иногда ошибочно и возводится к итальянскому *corsaro* (от которого образовано рус. корсар «пират»), в действительности восходит к венгерскому *húsz*, в то время как сербское – именно к итальянскому.

В славянских языках нередко омонимия возникает также вследствие разности экстралингвистических и культурологических расхождений. Ярким примером могут послужить, например, названия месяцев. Так, укр. травень («май») и хорв. *travanj* («апрель»), укр. липень, пол. *lipiec* («июль») и хорв. *lipanj* («июнь»), укр. серпень, пол. *sierpień* («август») и хорв. *srpanj* («июль»), укр. листопад, пол. *listopad* («ноябрь») и хорв. *listopad* («октябрь»). Подобные приведенные омонимы возникли ввиду разности климатических условий, равно как и во фразеологизмах русск. мартовский заяц – серб. февруарски зец. В связи с этим можно привести примеры в различии гаммы цветов: рус. румяный, серб. румен – словенск. *rumen* («желтый»), рус. красивый, укр. красивий – чеш. *krásný*, словацк. *krásny* («красный»); названия растений, например: рус. ягода («любой сочный плод кустарников или трав») – серб. *jaboda*, хорв. *jaboda*, чешск., словацк. *jahoda* («клубника»), пол. *jaboda* («черника»); названия рельефа: рус. гора – серб. гора (устар. «лес»); названия продуктов питания: рус. лимонад – серб. лимунада («сок из выжатого лимона»), рус. сыр – укр. сир (1. «сыр», 2. «творог»), серб. турска кафа («кофе, заваренный в турке») – чешск., словацк. *turecká káva* («молотый кофе, залитый кипятком») и т.п.

Все вышеуказанные примеры «ложных друзей переводчика» можно объяснить лексической трансформацией общего образа, выразившегося единым общеславянским корнем или семантическим полем, к которому принадлежат данные лексемы. Однако не редки и случайные фонетические совпадения, возникшие вследствие заимствований из разных языков, или вызванные омонимичностью древних корней, различавшихся ударением или фонемами, утраченными в ходе развития языков и совпавшими по своему звучанию, как правило, в результате фонетических изменений в процессе развития языковых систем. Иллюстративными примерами этому могут послужить такие пары слов, как: рус. булка («мучное изделие») – болг. булка («девушка, невеста»), рус. кружка – серб. крушка («груша»), рус. штука – серб. штука («щука»), рус. хитрый – словацк. *chytrý* («быстрый»), рус. вредный – серб. вредан («прилежный, трудолюбивый»), рус. пушка – пол. *puszka* («жестяная банка»), рус. брак (кроме исконно славянского значения «супружеский союз», мотивированного глаголом брать) в значении «дефект» (заимствование из немецкого *brechen* – «ломать») или укр. брак, пол. *brak* («нехватка, недостача»), отсюда рус. браковать («признавать негодным из-за наличия изъяна, дефекта») и укр. бракувати, пол. *brakować* («не хватать, не доставать»), рус. майка – серб. мајка («мать»), рус. куча – серб. кућа («дом»), русск. табак – серб. табак («лист бумаги»), рус. скупой – серб. скуп («дорогой»), рус. шар – укр. шар («слой»), рус. магазин – пол. *magazyn* («погреб»), рус. склеп – пол. *sklep* «магазин», рус. журить – серб. журити («спешить») – укр. журитися («грустить, печалиться») и т.п. Случайные омонимы возникали также и вследствие разных семантических интерпретаций одного корня, не отталкиваясь от единого образа: рус. географ. пролив – серб. прољив («понос», «диарея»), и наоборот: рус. понос (о недуге) – серб. понос («гордость») и т.п.

Еще одной причиной возникновения лексической омонимии может послужить лакунарность в семантике близких по звучанию славянских слов, напр. рус. времена погода – серб. време, рус. искать и требовать, просить – серб. искати, рус. зеленый

лук и чеснок – серб. лук, рус. гулять и играть (в спортивные игры) – бел.гуляць (ср. бел. я гуляю у футбол) и т.п.

Рассмотрев фонетические и лексические межславянские омонимы, особо остановим наше внимание на проявлениях омонимии на других уровнях языка, в частности:

1. Омонимия на уровне словообразования и морфологии заслуживает особого внимания, поскольку ее характер в значительной степени отличается от лексической и требует особого подхода для ее анализа и объяснения причин возникновения: так, например, собака в русском языке является существительным женского рода, а в украинском мужского, укр. дитина – существительное женского рода, тогда как рус. устар. дитя, серб. *dete*, чешск. *dítě* – среднего, серб. *jabuka* изменяется по женскому роду, тогда как рус. яблоко, укр. яблуко, пол. *jablko*, чеш., словацк. *jablko* по среднему, рус. мышь – муж.р., а укр. миша – ж.р., рус. рубль – муж.р., а серб. *rublja* – ж.р., рус. гимн – м.р., а чешск./словацк. *hymna* – ж.р. и т.п. Во многом эти различия возникают либо из разности грамматического строя отдельно взятых языков, либо – преимущественно – у заимствованных слов.
2. Немаловажный интерес представляет собой стилистическая омонимия, а именно случаи, когда схожее по звучанию слово в разных языках принадлежит к разным стилистическим пластам, будь то высокий, сниженный или нейтральный, устаревшая или архаичная лексика, например: рус. держава (высокий стиль) и серб. држава (нейтральный стиль), рус. лепота (архаизм, старославянизм) – серб. лепота (нейтральный стиль), рус. отрок (архаизм, возвышенный стиль) – словенск. *otrok* («ребенок», нейтральный стиль), рус. дяк (высокий стиль, религиозная лексика) серб. ѓак («ученик», нейтральный стиль), рус. молить (ограниченное, чаще религиозное употребление, высокий стиль) – серб. молити («просить, нейтральный стиль»), рус. кадить (ограниченное, религиозное употребление) – словенск. *kaditi* («курить»), рус. ладья (устаревшее слово) – словенск. *ladja* («корабль, лодка», нейтральный стиль), укр. поганий («плохой»), *брехати* («лгать»), *гупати* («стучать громко») относятся к нейтральному стилю, тогда как в русском они лежат в обиходно-разговорном и просторечном пласте языка, рус. зело («очень», старославянизм) – словенск. *zelo* (нейтральный стиль), равно как и рус., укр. вельми, пол. *wielmi* («очень», высокий стиль) – бел. велмі, чешск. *velmi*, словацк. *veľmi* (нейтральный стиль), рус. лекарь (высокий стиль) – укр. лікарь, пол. *lekarz*, чешск. *lékař* (нейтральный стиль), рус. око (старославянизм, возвышенный стиль) – во всех остальных славянских языках лексема нейтрального стиля, рус. злодей («совершающий злодеяния, преступления», высокий стиль) – укр. злодій, чешск. *zloděj* и словацк. *zlodej* («вор», нейтральный стиль), рус. хартия («документ особо важного общественно-политического значения», высокий стиль) – серб. хартија – («бумага», нейтральный стиль), рус. гроши («деньги», разговорный стиль, а также употребляется в устойчивых выражениях, напр. ни гроша за душой) – укр. гроші (нейтральный стиль) – польск. *grosze* («мелкая монета», нейтральный стиль), рус. жрать («есть», сниженная лексика) – чешск. *žrát* («есть» применительно к животному,

нейтральный стиль), рус. барак (историзм либо жаргон) – чешск. *barák* («дом», нейтральный стиль), рус. табор (историзм) – укр. табір, чешск., словацк. *tábor* («лагерь», нейтральный стиль), рус. фрайер (из криминального жаргона, просторечие) – словацк. *frajer* («парень, молодой человек, жених», разговорный стиль), рус. прах (высокий стиль) – чешск./словацк. *prach* («пыль», нейтральный), рус. град («город», старославянизм, высокий стиль) – чешск./словацк. *hrad* («зámok») и серб. град («город») относятся к нейтральному стилю, рус. вечеря (ограниченное религиозное употребление) – укр. вечеря, серб. вечера («ужин», нейтральный стиль) и т.д.

3. Уровень фразеологии с точки зрения рассматриваемой проблематики омонимии менее всего исследован и описан в славистике. Здесь приведем несколько иллюстративных примеров: рус. ходить как лебедь («плавно идти, о красивой походке») и серб. ходати као лабуд («ковылять, хромать, о неуклюжей походке»), рус. смотреть как волк/волком («со злостью, озлобленно») – серб. *kao vuk* («смелый, сильный характер»), рус. под носом («близко», пренебрежительный стиль, говорится с упреком) – пол. *mieć pod nosem* (нейтральный стиль), рус. каксобака (пренебрежительно о человеке) – серб. као пас («преданный») и т.д.

4. Синтаксический уровень также вызывает интерес с точки зрения омонимии и требует совершенно иного подхода к рассмотрению причин его возникновения, которые в основном можно объяснить спецификой грамматических и структурных расхождений в разных славянских языках: словацк. *či* (вопросительная частица) – укр. чи, пол. *czy* (1. вопросительная частица, 2. разделительный союз), рус. если (подчинительный или условный союз) – чешск. *jest-li* (вопросительная частица), пол. *ale*, серб. али (разделительный союз) – словенск. *ali* (1. разделительный союз, 2. вопросительная частица); рус., укр. хочу (глагол) – серб. хоћу, хорв. *hoću* (формант для образования будущего времени) и др.

Таким образом, в настоящей статье был сделан максимально обширный обзор примеров межславянской омонимии на материале русского, украинского, польского, чешского, словацкого, сербского, хорватского и словенского языков с привлечением болгарского и белорусского. Были установлены и проанализированы наиболее показательные примеры омонимии на фонетическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом и фразеологическом уровнях. Исходя из полученных результатов, несомненно, можно заключить, что наиболее обширной областью, где встречается рассматриваемое явление, является лексика. Причинами омонимии в основном являются расхождения вследствие семантической конкретизации древнего образа после распада общеславянской общности, что в каждом отдельно взятом языке проходило по своим путям. Выявлены также случаи омонимии в силу культурологических различий славянских народов, а также приведены примеры случайной омонимии, которая не может быть объяснена семантически, а исключительно историческим развитием языков, либо фонетическими изменениями в ходе их развития. Богатый иллюстративный материал представляет собой теоретическое обоснование будущего практического словаря межязыковой омонимии на материале восьми славянских языков.

Литература

Даль В.И. (1978), *Толковый словарь живого великорусского языка*, Т. 1, *Русский язык*, Москва.

Кусаль К.Ч. (2006), *Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема*, Изд-во С.-Петербур. ун-та, Санкт-Петербург.

Мичатек Л.А. (1903), *Дифференциальный сербско-русский словарь*, Санкт-Петербург.

Мичатек Л.А. (1910), *Дифференциальный болгаро-русский словарь*, Санкт-Петербург.

Мокиенко В., Степанова Л., Малиновски Т. (1995), *Русская фразеология для чехов*, Vyd. Univerzity Palackého, Olomouc.

Словник української мови (1976), Т. 7, Наукова думка, Київ.

Фасмер М. (1986), *Этимологический словарь русского языка*, Т. 3, Прогресс, Москва.

Федорчук Е.В. (2001), *Межъязыковые омонимы и паронимы в близкородственных языках (на материале русского и украинского языков)*, Автореферат на соиск. уч. ст. к.ф.н., МГУ, Москва.

Хмелевский М.С. (2023), *Языковой и культурологический континуум современной Южной Славии: сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки (pro et contra)*, „Studia Slavica Hungaricae”, s. 75–80.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд (1979), О.Н. Трубачева (ред.), Вып. 6, *Русский язык*, Москва.

References

Anić V. (1994), *Rječnik hrvatskoga jezika*, Zagreb.

Brückner A. (1957), *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa.

Dal' V.I. (1978), *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*, Т. 1, *Russkiy yazyk*, Moskva.

Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond (1979), O.N. Trubacheva (red.), Вып. 6, *Russkiy yazyk*. Moskva.

Fasmer M. (1986), *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*, Т. 3, Progress, Moskva.

Fedorchuk Ye.V. (2001), *Mezh'yazykovyye omonimy i paronimy v blizkorodstvennykh yazykakh (na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov)*, Avtoreferat na sois. uch. st. k.f.n., MGU, Moskva.

Khmelevskiy M.S. (2023), *Yazykovoy i kul'turologicheskij kontinuum sovremennoy Yuzhnoy Slavii: serbskiy, khorvat-skiy, bosniyskiy i chernogorskiy yazyki (pro et contra)*, „Studia Slavica Hungaricae”, s. 75–80.

Kusal K. (2002), *Rosyjsko-polski międzyjęzykowy*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław.

Kusal' K.Ch. (2006), *Russko-pol'skaya mezh'yazykovaya omonimiya kak leksikograficheskaya problema*, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, Sankt-Peterburg.

- Machek V. (1957), *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha.
- Michatek L.A. (1903), *Differentsial'nyy bolgaro-russkiy slovar'*, Sankt-Peterburg.
- Michatek L.A. (1910), *Differentsial'nyy bolgaro-russkiy slovar'*, Sankt-Peterburg.
- Mokiyenko V., Stepanova L., Malinovski T. (1995), *Russkaya frazeologiya dlya chekhov*, Vyd. Univerzity Palackého, Olomouc.
- Rejzek J. (2001), *Český etymologický slovník*, Praha.
- Skok P.(1971–1974), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. D. 1, Zagreb.
- Slovník ukraïns'koï movi* (1976), T. 7, Naukova dumka, Kiïv.
- Słownik frazeologiczny PWN* (1995), PWN, Warszawa.
- Snoj M. (2016), *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana.
- Wielki słownik języka polskiego PWN* (2018), T. I, PWN, Warszawa.

Streszczenie

Do zagadnienia homonimii międzysłowiańskiej: ogólny teoretyczny i praktyczny przegląd problematyki

Artykuł odnosi się do bardzo aktualnego tematu homonimii międzyjęzykowej. Zagadnienie to rozpatrywane jest na wszystkich poziomach języka: słownictwa, morfologii, składni, stylistyki, frazeologii. Podano teoretyczne uzasadnienie przyczyn powstawania homonimów międzyjęzykowych, analizowane są zwłaszcza całkowite i częściowe pary homonimów. Problematyka ta nabiera szczególnego znaczenia w przypadku języków blisko spokrewnionych; przede wszystkim jest ważna dla społeczności słowiańskiej, która w porównaniu z innymi indoeuropejskimi grupami językowymi uległa rozpadowi stosunkowo późno (V–VI w. n.e.). Zagadnieniu temu w slawistyce poświęca się wiele uwagi, jednak aktualność deklarowanego badania polega głównie na tym, że jego wynikiem stał się szeroki przegląd wszystkich trzech grup języków słowiańskich, począwszy od rosyjskiego i ukraińskiego na wschodzie, polskiego, czeskiego i słowackiego na zachodzie, serbskiego, chorwackiego, bułgarskiego na południu świata słowiańskiego, a na peryferyjnym słoweńskim kończąc.

Słowa kluczowe: języki słowiańskie, homonimia międzyjęzykowa, słownictwo, semantyka, frazeologia, stylistyka

Abstract

On the question of inter-Slavic homonymy: General theoretical and practical review

The article deals with the very topical theme of interlingual homonymy. This issue is considered at all levels of the language: phonetics, lexis, semantics, morphology, syntax, stylistics and phraseology. A theoretical substantiation of the reasons for the emergence of homonyms is given, and complete and partial pairs of homonyms are considered. This issue is important, especially for closely related languages, in particular for the Slavic community, which disintegrated relatively late, when compared with other Indo-European language groups (V–VI centuries AD). Much attention is paid to this issue in Slavic studies, however, the timeliness of the current article lies in the fact that it offers a broad overview with the maximum possible coverage of all three groups of Slavic languages, geographically starting with Russian and Ukrainian in the east, Polish, Czech and Slovak in the west, Serbian, Croatian, Bulgarian in the south of the Slavic world and ending with peripheral Slovenian.

Keywords: Slavic languages, interlingual homonymy, lexis, semantics, phraseology, stylistics